

Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита севера Западной Сибири

Е. Н. Дубовцева¹, Л. Л. Косинская², Х. Пиецонка³, Н. М. Чаиркина¹

¹ *Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

² *Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

³ *Кильский университет им. К. Альбрехта
Киль, Германия*

Аннотация

Городище Амня I расположено в Белоярском районе ХМАО – Югры и является самым северным для обществ охотников, рыболовов и собирателей в Евразии. Датируется началом VI тыс. до н. э. Этот уникальный объект позволяет изучать инновации в среде неолитического населения Нижнего Приобья – строительство оборонительных сооружений, внедрение керамической посуды, широкое применение шлифованных орудий. Находящееся недалеко поселение Кирип-Вис-Юган-2, имеющее близкий облик материальной культуры, но лишенное укреплений, также включено в амнинский культурный тип. Несмотря на многолетние исследования, многие вопросы, связанные с этими памятниками, остаются открытыми. В результате наших полевых работ 2019 г. уточнены планиграфия и стратиграфия памятников, получены данные по реконструкции палеосреды, новые радиоуглеродные датировки, подтверждающие ранне-неолитический возраст городища Амня I. Получены также две даты по углю из жилища № 2 поселения Амня II, которое находится в 50 м от городища Амня I. Обе даты относятся к началу VI тыс. до н. э.

Ключевые слова

Нижнее Приобье, таежная зона, неолит, городища охотников-рыболовов, амнинский культурный тип, керамика, радиоуглеродное датирование

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг., проект ИИиА УрО РАН «Древние и средневековые культуры Урала: региональные особенности в контексте глобальных процессов» (регистрационный номер НИОКТР: АААА-А16-116040110036-1), Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) (Cluster of Excellence ROOTS at Kiel University) и государственного задания Министерства науки и образования РФ «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» (тема № FEUZ-2020-0056). Авторы благодарят Ямин Даннат (Институт пре- и протоисторической археологии Кильского университета, Германия) за идентификацию ботанических макроостатков.

Для цитирования

Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х., Чаиркина Н. М. Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита севера Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 94–108. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108

Settlements of the Amnya Cultural Type in the Context of the Early Neolithic of North-Western Siberia

E. N. Dubovtseva¹, L. L. Kosinskaya², H. Piezonka³, N. M. Chairkina¹

¹ Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation

³ Christian Albrecht University of Kiel
Kiel, Germany

Abstract

Purpose. The Stone Age settlement of Amnya I in North-Western Siberia represents the northernmost hunter-gatherer-fisher fort in Eurasia. Dating back to the beginning of the 6th millennium BC, this unique site enables the study of key innovations of the Neolithization process in the taiga zone, such as defensive structures, early pottery, and an increase in polished tools including arrowheads.

Results. The Amnya cultural type also includes the nearby Kirip-Vis-Yugan-2 settlement, which shows close similarities with Amnya I in material culture however lacks fortifications. To follow up open questions, work on Amnya type sites was resumed in 2019. Plans of the sites, their layout and stratigraphy were clarified, and first palaeo-environmental data was received. Radiocarbon dating of stratified contexts at Amnya I confirmed its Early Neolithic age. The settlement of Amnya II located just 50 m east of the fortifications was also dated. Originally attributed to later, Eneolithic times, the two new AMS dates date back to the beginning of the 6th millennium BC, indicating that Amnya I and II existed broadly contemporaneously. Palaeoenvironmental studies based on drillings in the adjacent peat bog show that at the time of settlement at Amnya I and II open water existed on the south of the hill fort, and the Amnya River was flowing on the north side. Thus, this place was comfortable for living and provided good conditions for fishing. Botanical macro-remains from cultural layers at Amnya I show that during the existence of the settlement, along with pine, deciduous trees – birch and alder, have grown in the area of the site, indicating a warmer climate, compared to current conditions.

Conclusion. The studied archaeological settlements show the case of Neolithic innovations which testify to formation of special social structures and, most likely, appearance of the new population in the taiga zone of Western Siberia at the turn of 7th – 6th millennium BC.

Keywords

Lower Ob region, taiga zone, Neolithic, hunter-gatherer fortified settlement, Amnya cultural type, ceramics, radiocarbon dating

Acknowledgments

The work was carried out as part of the program of fundamental scientific research of the State Academies of Sciences for 2013–2020, the project “Ancient and Medieval cultures of the Urals: regional features in the context of global processes” (registration number: AAAA-A16-116040110036-1), the German Research Community (DFG) (Cluster of Excellence ROOTS at Kiel University), and the state mission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” (topic no. FEUz-2020-0056).

The authors would like to thank Yasmin Dannath (Institute of Pre- and Protohistoric Archaeology, Kiel University, Germany) for identifying the botanical macro-remains.

For citation

Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L., Piezonka H., Chairkina N. M. Settlements of the Amnya Cultural Type in the Context of the Early Neolithic of North-Western Siberia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 94–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-94-108

Введение

Неолитическая эпоха в таежной зоне Западной Сибири характеризуется рядом инноваций в материальной и духовной культуре. Это выражается в появлении памятников со сложной структурой – культовых холмов, поселений с круговой планировкой и с оградениями, мысовых городищ. Происходили изменения в каменной индустрии, появлялась керамика. Все это свидетельствует о серьезных изменениях в образе жизни и организации древних коллективов, об усложнении социальной структуры. Начало этих изменений в таежной зоне, судя

по радиоуглеродному датированию опорных памятников, происходило во второй половине VII тыс. до н. э. Имеются данные, говорящие о начале неолитической эпохи в более ранний период, но это требует уточнения.

Интенсификация изучения раннего неолита (исследование новых памятников, выделение новых археологических культур, активная работа по радиоуглеродному датированию, изучение образа жизни древних жителей таежной зоны и реконструкция палеосреды) заставляет обращаться к уже известным памятникам и культурным типам, анализировать их с современных точек зрения.

Амнинский культурный тип памятников включает в себя материалы, полученные при раскопках городища Амня I и поселения Кирип-Вис-Юган-2. Они локализируются в Нижнем Приобье и относятся к раннему неолиту – радиоуглеродное датирование по различным материалам и методам относит существование типа ко второй половине VII – началу VI тыс. до н. э. (здесь и далее используется калиброванная шкала).

Городище Амня I не только самое северное, но и одно из самых ранних городищ охотников и собирателей в Евразии. Этот памятник является ключевым в исследовании раннего неолита таежной зоны Западной Сибири, так как позволяет изучать несколько инноваций в среде неолитического населения Нижнего Приобья – строительство оборонительных сооружений, внедрение керамической посуды, широкое применение шлифованных орудий, в том числе наконечников стрел. Поселение Кирип-Вис-Юган-2 имеет близкий облик материальной культуры и жилищных конструкции, но лишено укреплений.

Несмотря на многолетние исследования, некоторые ключевые вопросы, касающиеся возникновения амнинского культурного типа, структуры поселений, функции городища, датировки, контактов и связей, остаются открытыми. Цель настоящей статьи – введение в научный оборот новых данных, призванных ответить на некоторые из этих вопросов. Материалы были получены в 2019 г. в ходе полевых исследований городища Амня I, поселений Амня II и Кирип-Вис-Юган-2. Задачами исследования стали уточнение планиграфии и стратиграфии этих объектов археологии, отбор образцов для радиоуглеродного анализа и реконструкции палеосреды. В статье представлены предварительные результаты этих работ.

Материалы и источники

Памятники находятся в Белоярском районе ХМАО – Югры в 4 и 7 км к юго-востоку от поселка Казым. Городище Амня I расположено на правом берегу р. Амня (приток р. Казым), поселение Кирип-Вис-Юган-2 – на левом берегу небольшой р. Кирипвисьюган (правый приток р. Амни) (рис. 1). Они открыты и исследовались в конце 1980-х гг. В. М. Морозовым¹.

Городище Амня I состоит из двух площадок, расположенных на мысу боровой террасы высотой 5–6 м, с трех сторон окруженной болотом (рис. 2). Южный и северо-западный склоны террасы довольно крутые, на оконечности мыса она полого понижается к болоту. В рельефе хорошо выражены два рва глубиной 0,26–0,61 м, отсекающие две поселенческие площадки: внутреннюю и внешнюю. С внутренней стороны ко рвам примыкают невысокие (до 0,5 м) валообразные насыпи. Во внешней линии обороны заметны два прохода. На внешней площадке городища фиксируются глубокие округлые и овальные в плане впадины (западины) № 5, 6, 7, 8. Три из них диаметром 7–10 м и глубиной 0,8 м. Впадина № 6 меньше – 3,2 × 2,6 м, глубиной 0,3 м. В трех метрах к северу от северного прохода располагается впадина № 10. В 2019 г. к востоку от внешнего рва обнаружены еще две впадины – № 11 и 12 размерами 5,0–3,5 × 4,5–2,2 м, глубиной 0,3–0,5 м.

Раскопами 1987–1989, 1993, 2000 гг. на городище были исследованы пять построек и участки оборонительных сооружений [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов, Борзунов, 2008]. В ходе раскопок обнаружен еще один ров, не читаемый в рельефе. Три линии обороны, вероятно,

¹ АМА УрФУ. Ф. II. Д. 567; АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 14870.

последовательно сменяли одна другую. Каждая состояла из рва и примыкающей к нему валобразной насыпи, в основании которой прослежена канавка от частотола.

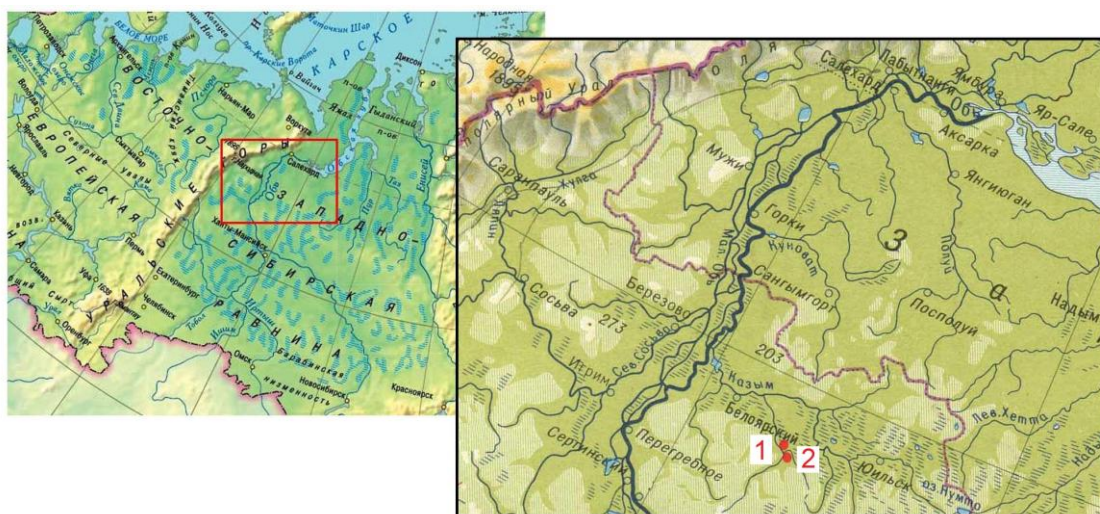

Рис. 1. Карта-схема расположения городища Амня I, поселений Амня II и Кипип-Вис-Юган-2:
1 – городище Амня I и поселение Амня II; 2 – поселение Кипип-Вис-Юган 2

Fig. 1. Map of the location of Amnya I fortified settlement, Amnya II and Kirip-Vis-Yugan-2 settlements:
1 – the settlement of Amnya I and the settlement of Amnya II; 2 – Kirip-Vis-Yugan-2 settlement

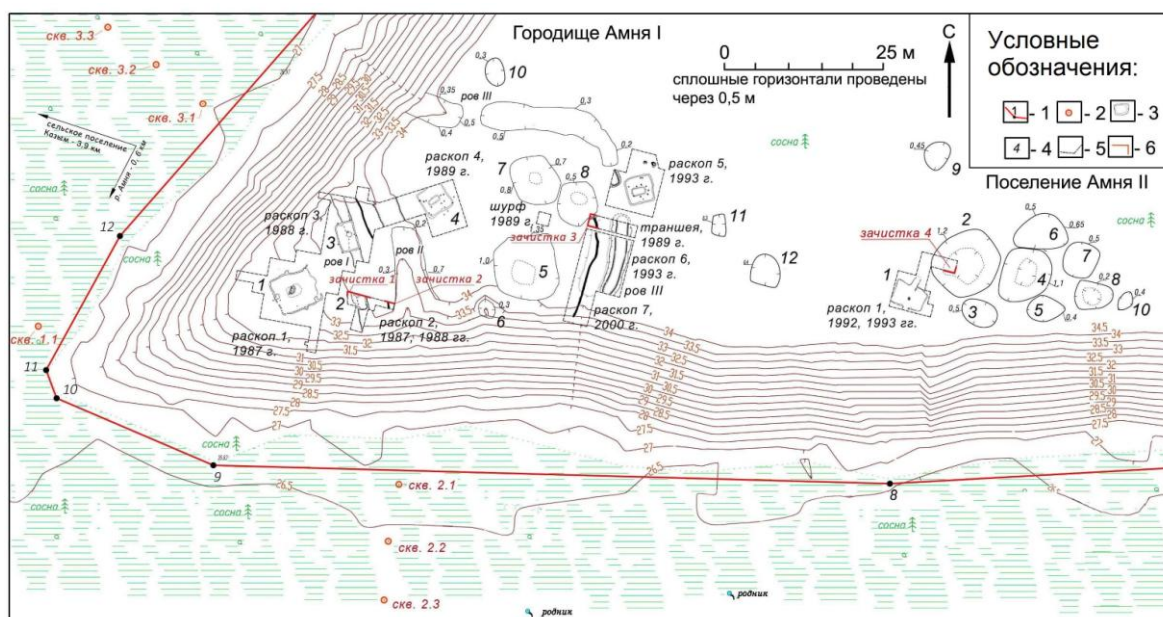

Рис. 2. План городища Амня I и поселения Амня II:

1 – предварительная граница объекта археологического наследия; 2 – скважины бурения болотных отложений;
3 – сооружения археологического характера; 4 – номер сооружения археологического характера;
5 – граница раскопа; 6 – зачистка

Fig. 2. Plan of the Amnya I fortified settlement and Amnya II settlement:

1 – preliminary border of the object of archaeological heritage; 2 – wells for drilling marsh deposits;
3 – archaeological structures; 4 – number of the archaeological structure;
5 – the border of the excavation; 6 – stripping

В 50 м к востоку от внешней линии укреплений вглубь террасы располагаются 10 впадин поселения Амня II (см. рис. 2). В 1992–1993 гг. впадина № 1 была исследована раскопками, во впадину № 2 была проложена Г-образная траншея. Поселение датировано энеолитом на основании анализа керамического комплекса [Стефанов, 2001]².

На поселении Кирип-Вис-Юган-2, занимающем участок невысокой террасы рядом с устьем ручья, зафиксировано 5 впадин округлой и овальной формы. Две из них были исследованы раскопками³. Материальный комплекс и особенности жилищных конструкций позволили авторам соотнести этот памятник с городищем Амня I [Стефанов и др., 2005].

Жилища амнинского типа имели прямоугольные котлованы площадью 15–40 кв. м (глубина 0,6–1,8 м). По периметру котлованов фиксировалась канавка – следы деревянной обшивки стен, в центре располагалось очажное возвышение, на полу прослеживались углистая прослойка (следы деревянного настила) и засыпка охрой [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов и др., 2005; Стефанов, Борзунов, 2008].

Керамика амнинского типа немногочисленна, всего насчитывается около 45–50 сосудов [Морозов, Стефанов, 1993; Стефанов и др., 2005; Стефанов, Борзунов, 2008]. Следует отметить, что выделяются как минимум два основных типа. Первый – закрытые плоскодонные и округлодонные банки, украшенные в прочерченной и накольчатой технике (рис. 3, 4, 6–8), или без орнамента (рис. 3, 2). Второй тип представлен полуяйцевидными сосудами средних размеров с округлым дном, они декорированы гребенчатым орудием в технике штамповки, реже – шагания (рис. 3, 1, 3, 5). Технично-технологический анализ керамики показал, что сосуды всех типов изготавливались из местных глин, с примесью дресвы, шамота, органического раствора в различных сочетаниях. Корреляция между видами исходного сырья и формовочной массы, с одной стороны, формой и орнаментацией сосудов, с другой, не прослеживается [Дубовцева и др., 2019. С. 152].

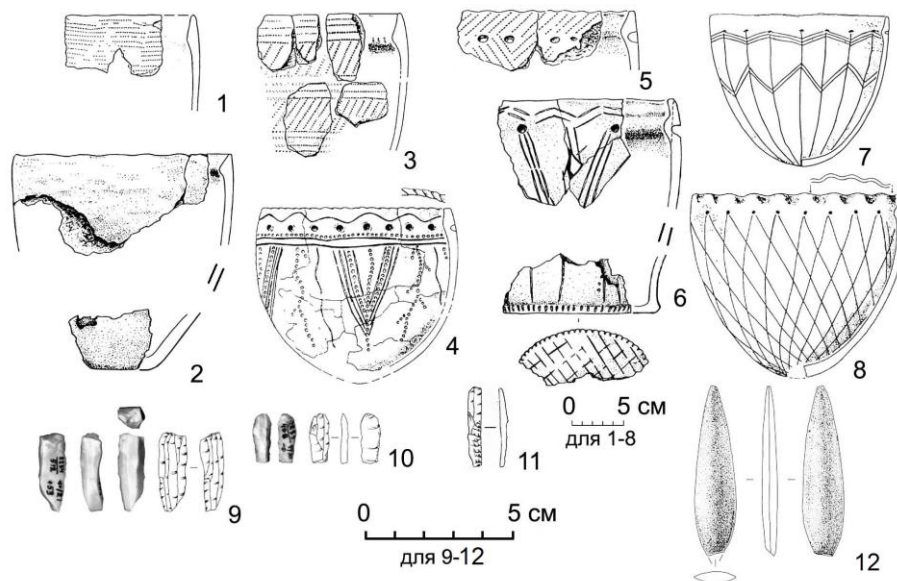

Рис. 3. Артефакты из городища Амня I:
1–8 – керамика; 9–12 – каменный инвентарь
(9 – нуклеус, 10, 11 – пластинки, 12 – шлифованный наконечник стрелы)

Fig. 3. Artefacts from Amnya I:
1–8 – ceramics; 9–12 – stone tools
(9 – nucleus; 10, 11 – blades, 12 – polished arrowhead)

² АМА УрФУ Ф. II. Д. 519; АМА УрФУ Ф. II. Д. 543.

³ АИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 14870, 16800.

Для каменного инвентаря амнинского культурного типа характерны широкое использование кварцевого сырья и контрударная техника скола, развитая абразивная обработка мягких пород (сланцы, опоки), морфологическая аморфность орудий в составе кварцевого комплекса, призматическое расщепление кремнистых пород (микропластинки, призматические и конусовидные нуклеусы) (рис. 3, 9–11). Кварцевые орудия представлены долотовидными, скребущими, режущими инструментами, резцами и резчиками на расколотых гальках, отщепках, немногочисленных пластинах. Шлифованные изделия включают тесла, долота, ножи, наконечники стрел (рис. 3, 12). Многочисленны абразивные инструменты, наковальни, отбойники [Морозов, Стефанов, 1993. С. 160–165; Стефанов и др., 2005. С. 23; Стефанов, Борзунов, 2008].

Очевидно, что не все объекты на городище существовали одновременно. Авторы раскопок самым ранним считают жилище № 1, обнесенное рвом; затем поселок расширялся, и его центр смещался в напольную сторону. По мере возведения новых жилищных объектов возникала необходимость в сооружении новых линий укреплений [Стефанов, Борзунов, 2008]. В раскопах № 1–7 зафиксированы факты наложения объектов. Жилища № 1 и 3 были погребены культурными слоями энеолита. Котлованы жилищ № 2 и 3 перекрывают ров I, который не выражен в современном рельефе. Жилище № 9 расположено напротив прохода во внешней линии укреплений, скорее всего, оно, как и жилище № 8, было уже разрушено при сооружении этой линии. Частокольная канавка внешней линии обороны разрежала восточную часть жилища № 8, но не доходила до дна котлована. Под валом внешней линии укреплений зафиксированы наземные объекты – кострища и производственные площадки [Там же. С. 101].

Планиграфический анализ распределения вещевого комплекса на городище Амня I показал, что различные типы посуды и каменного инвентаря распределены неравномерно и тяготеют к различным объектам. Возникло предположение, что такая ситуация свидетельствует о двухкомпонентности комплекса и связана с хронологическими этапами функционирования городища. Возможно, объекты восточной периферии памятника (жилища № 8 и 9, кострище № 2 под валом III) имеют более ранний возраст относительно остальных сооружений [Дубовцева и др., 2019. С. 156–157].

Таким образом, высказано две гипотезы относительно этапов заселения городища. Для их проверки необходимо было увеличение базы данных радиоуглеродных датировок и уточнение стратиграфической ситуации.

Исследования 2019 года

Полевые исследования начались с составления инструментального плана памятников (см. рис. 2). Для фиксации стратиграфической последовательности различных объектов и отбора образцов для естественнонаучного анализа (радиоуглеродного, геохимического, палеоботанического) были зачищены стенки старых раскопов 1989 и 1993 гг. С целью изучения палеосреды произведено бурение болотных отложений.

Зачистка № 1 заложена в раскопе № 2 на участке Г–Д/8–9, где исследовались ров I и перекрывающая его постройка № 2 с заполнением красноватого (охристого) цвета, более насыщенного в углубленном центре котлована. Тонкая прослойка на дне маркирует пол: серый, насыщенный угольками песок – преимущественно в периферийной части; красная охра – в центральной. Глубина пола в центре котлована – до 0,6 м от современной поверхности, на периферии – 0,3–0,4 м. Очажная линза мощностью 0,12–0,15 м приподнята над полом на 0,05 м. Судя по западному профилю зачистки № 1, с этой стороны граница жилища уходила за пределы раскопа.

Заполнение рва I состояло из двух слоев: более темного, с большим количеством мелких углистых частиц – сверху, и более светлого слоистого – внизу. Они разделялись тонкой углистой прослойкой серого песка. Похожая прослойка выстилает дно рва I. Верхняя прослойка прогнута ко дну рва и на западном конце оподзолена. Вероятно, она представляет собой следы некой дневной поверхности. Это подтверждается определением ботанических

макроостатков из погребенного почвенного подзола, который содержит обожженные стебли различных растений и семена настоящей толокнянки (*Arctostaphylos uva-ursi*). Вероятно, отложения верхнего и нижнего слоев заполнения рва должен был разделять заметный промежуток времени, т. е. к моменту сооружения постройки № 2 ров был частично засыпан и на его поверхности сформировался напочвенный покров, началось оподзоливание. Верхнее заполнение рва, вероятно, образовалось при выравнивании поверхности под постройку.

Зачистка № 2 заложена на участке Г–Д/11 для изучения вала внутренней линии укреплений, датировки частокольной канавки и определения их соотношения с постройкой № 2. Под современным подзолом зафиксирована насыпь вала, под которой сохранился полный профиль древней погребенной подзолистой почвы. Частокольная канавка прорезала ее от уровня древней дневной поверхности, маркированной красноватой охристой прослойкой. Такой прослойки нет на погребенном подзоле к востоку от жилища № 2 (участок Д/9), что может указывать на одновременность котлована и частокольной канавки. Профиль канавки клиновидный, западная стенка отвесная, восточная, обращенная ко рву II, более пологая. Ширина канавки по верху 0,5–0,65 м, глубина 0,4 м от уровня древней дневной поверхности.

Зачистка № 3 на участке Р/26 позволила уточнить стратиграфию жилища № 8 и его соотношение с внешней линией укреплений. Стратиграфия зачистки № 3 несколько расходится с профилями отчетов 1989 и 1993 гг. [Морозов, Стефанов, 1993]⁴. Она более детализирована в фиксации верхней части заполнения котлована, но нам не удалось проследить профиль канавок от опалубки на его дне.

На плане 1989 г. на участке Р/26 зафиксирована частокольная канавка, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток⁵. В южном разрезе зачистки № 3 (2019 г.) прослежен ее профиль – полуовальное углубление с округлым дном, заполненное слоистым светлым песком с угольками. Его верхний край фиксировался чуть выше погребенного подзола, нижний врезан в материк на глубину 0,67 м; ширина по верхнему краю 0,32 м. В котловане жилища № 8, в северном профиле зачистки № 3, прослежено нарушение, по форме, размерам и заполнению аналогичное описанному профилю частокольной канавки, но залегающее глубже. Если это продолжение частокольной канавки, то оно стратиграфически подтверждает более ранний возраст жилища № 8 относительно оборонительной линии III, как и предполагали авторы раскопок [Стефанов, Борзунов, 2008. С. 101–103].

На поселении Амня II стратиграфический разрез был заложен на участке Ф/55 – на концевом отрезке траншеи 1993 г., прорезавшей край жилищной впадины № 2⁶. Жилище № 2 представляло собой полуземлянку глубиной 1,1–1,2 м от уровня погребенного подзола (в отличие от жилища № 1, глубина которого не превышала 0,65–0,7 м) [Стефанов, 2001. С. 35]. Слой придонного заполнения котлована жилища № 2 содержал углистые прослойки – следы сгоревших деревянных конструкций. Перекрывающие его слои накапливались и формировались в уже разрушенном и полусасыпанном котловане. Судя по стратиграфическому положению прослойки погребенного подзола, она маркирует древнюю дневную поверхность углубления, возникшего на месте котлована жилища № 2. Наличие под ней погребенного аллювия свидетельствует о ненарушенности этой древней почвенной колонки. Для ее формирования над остатками котлована требовался значительный отрезок времени. Погребение этой поверхности слоем № 5 могло произойти в ходе строительства соседних, более поздних жилищ. Погребенный подзол времени сооружения жилища № 2 (его древняя дневная поверхность) в зачистке не зафиксирован.

Имеющиеся даты городища Амня I и поселения Кирип-Вис-Юган-2 (см. таблицу, 1–5, 11, 12) демонстрируют значительный разброс и образуют три хронологические группы, что может быть связано с проблемой достоверности радиоуглеродных датировок по керамике, с пресноводным резервуарным эффектом, эффектом старого дерева и т. п. [Piezonka et al., 2020].

⁴ АМА УрФУ. Ф. П. Д. 568.

⁵ Там же. Д. 543. Рис. 18.

⁶ Там же.

Радиоуглеродные даты памятников амнинского типа *
Radiocarbon dates of Amnya type settlements **

№ п/п	Лабораторный индекс	Объект	Материал	¹⁴ C даты (BP)	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC)	
					± 1σ (68,2 %)	± 2σ (95,4 %)
Амня I						
1	Ле-4973	Заполнение котлована жилища № 9	Уголь	6 900 ± 90	5 824–5 636	5 950–5 592
2	Ле-4974a	Придонный слой жилища № 9	Уголь	8 760 ± 280	7 935–7 620	8 030–7 530
3	Ле-4974б	Пол жилища № 9	Уголь	8 630 ± 180	7 890–7 500	8 030–7 290
4	Ki-16028	Сосуд без орнамента из жилища № 1	ТОС	6 920 ± 90	5 880–5 720	5 990–5 720 5 920–5 660
5	Poz-97648	Сосуд без орнамента из жилища № 1	Нагар	7 590 ± 40	6 468–6 426	6 504–6 392
6	Poz-120474	Внутренний вал, частокольная канавка, зачистка № 2, слой 6	Уголь	7 205 ± 35	6 082–6 019 (68,2 %)	6 207–6 139 (12,0 %) 6 116–6 004 (83,4 %)
7	Poz-11666б	Внутренний вал, частокольная канавка, зачистка № 2, слой 6	Уголь	7 390 ± 40	6 356–6 292 (37,1 %) 6 269–6 223 (31,1 %)	6 392–6 208 (91,3 %) 6 167–6 164 (0,2 %) 6 141–6 106 (4,0 %)
8	Poz-118343	Пол жилища № 8, зачистка № 3, слой 10	Уголь	7 060 ± 40	5 991–5 966 (21,2 %) 5 957–5 904 (47,0 %)	6 016–5 873 (93,3 %) 5 861–5 847 (2,1 %)
9	Poz-118431	Зачистка № 1, основание рва I, слой 5	Уголь	7 070 ± 50	6 005–5 965 (27,9 %) 5 959–5 903 (40,3 %)	6 034–5 843 (95,4 %)
10	Poz-118432	Зачистка № 1, очаг жилища № 2, слой 8		7 020 ± 50	5 983–5 939 (27,0 %) 5 932–5 873 (35,0 %) 5 861–5 848 (6,2 %)	6 005–5 785 (95,4 %)

Окончание таблицы

№ п/п	Лабораторный индекс	Объект	Материал	¹⁴ C даты (BP)	Календарный возраст, л. до н. э. (cal BC)	
					± 1σ (68,2 %)	± 2σ (95,4 %)
Кирип-Вис-Юган-2						
11	Ле-6582	Постройка № 4	Уголь	6 880 ± 50	5 835–5 719	5 841–5 663
12	Poz-97649	Сосуд из постройки № 1	Нагар	7 600 ± 40	6 472–6 429	6 560–6 549 (1,0 %) 6 509–6 394 (94,4 %)
Амня II						
13	Poz-118357	Пол жилища № 2, слой 11	Уголь / органика	6 970 ± 40	5 901–5 788 (68,2 %)	5 978–5 948 (9,0 %) 5 922–5 747 (86,4 %)
14	Poz-116667	Погребенный подзол, слой 7	Уголь	7 080 ± 40	6 009–5 973 (33,1 %) 5 953–5 915 (35,1 %)	6 032–5 882 (95,4 %)
Сартынья I						
15	Ле-1830	?	Уголь	6 630 ± 80	5 630–5 510	5 710–5 470
16	Ле-1831	?	Уголь	6 440 ± 80	5 480–5 340	5 560–5 290

* Здесь и далее: калибровка дат проведена с помощью программного обеспечения OxCal. OxCal v4.2.3 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve. Подготовлено по: [Стефанов и др., 2005. С. 33; Стефанов, Борзунов, 2008. С. 109; Piezonka et al., 2020. P. 5. Table 1].

** Here and further: Date calibration has been done using OxCal software. OxCal v4.2.3 Bronk Ramsey (2013); r:5 IntCal13 atmospheric curve. Prepared according to: [Stefanov et al., 2005, p. 33; Stefanov, Borzunov, 2008, p. 109; Piezonka et al., 2020, p. 5, table 1].

Для уточнения возраста памятников амнинского типа летом 2019 г. было отобрано несколько проб угля. Получено семь новых AMS-дат: пять с городища Амня I (см. таблицу, 6–10) и две с поселения Амня II (см. таблицу, 13, 14). В жилище № 2 городища Амня I был датирован уголь из очага – 7020 ± 40 л. н. (Poz-118432). Образец угля со дна рва I дал близкую дату – 7070 ± 50 л. н. (Poz-118431), что подтверждает предположение В. М. Морозова и В. И. Стефанова о небольшом промежутке времени между возведением жилища № 2 и засыпкой рва I. Судя по калиброванным датам, он мог составлять до 100 лет – период, достаточный для возобновления почвообразовательных процессов на поверхности полузасыпанного рва.

Уголь со дна жилища № 8 датирован возрастом 7060 ± 40 л. н. (Poz-118343). Канавка в основании вала, примыкающего ко рву II (зачистка № 2), древнее – 7390 ± 40 и 7205 ± 35 л. н. (Poz-116666 и Poz-120474). Обе даты получены с одного образца. Специалисты по радиоуглеродному датированию склонны объяснять такое расхождение эффектом старого дерева, при котором наблюдается существенная разница в возрасте сердцевины и крайних участков ствола. Не ясно также, чем объясняется существенное удревнение этого объекта по сравнению с другими.

Радиоуглеродное датирование культурного слоя из жилища № 2 поселения Амня II показало, что оно также относится к эпохе неолита. Дата 6970 ± 40 л. н. (Poz-118357) происходит со дна жилища № 2 (образец 1), а дата 7080 ± 40 л. н. (Poz-116667) – из перекрывающего верхнюю часть котлована погребенного подзола, который перекрыт выкидом из котлована соседнего жилища № 1 (раскоп 1993 г.). Налицо инверсия дат, но при калибровке с вероятностью 95,4 % существует отрезок 5980–5880 л. до н. э., на котором обе даты пересекаются. Это значит, что образец со дна жилища может быть древнее на 80 кал. л.

Таким образом, возраст городища Амня I и впадины № 2 поселения Амня II укладывается в период конца VII – первой четверти VI тыс. до н. э. Благодаря получению дат с поселения Амня II можно предположить, что городище Амня I имело и неукрепленную часть, к которой относятся не только жилище № 9, впадины № 10–12, но и часть объектов поселения Амня II.

Для реконструкции палеосреды были проведены заборы образцов для анализа ботанических макроостатков и бурение болотных отложений. Образцы для анализа ботанических палеоостатков отбирались из зачисток № 1 и 3 городища Амня I и зачистки на поселении Амня II. Определения выполнены Я. Даннат в Археоботанической лаборатории Кильского университета. Ботанические макроостатки на городище Амня I представлены фрагментами коры, шишек, ветвей хвойных (ель, сосна, лиственница) и лиственных (береза, ива, тополь) деревьев, а также карликовыми кустарничками (толокнянка) и фрагментами стеблей травянистых растений. Интересно, что в образцах с поселения Амня II помимо сосны зафиксированы остатки ольхи, березы, рябины и мальвовых.

Почвенный зондаж в заболоченной пойме, прилегающей к площадке городища Амня I, проводился по трем зондировочным линиям, расположенным по стрелке мыса, с его южной и северо-западной сторон. Протяженность каждой линии составляла 30 м, скважины бурились через каждые 5 м (см. рис. 2). Общая мощность прозондированных отложений возрастает с 0,55 до 3,65 м: наибольшая глубина отложений наблюдается в центральных скважинах (1.3; 2.3; 3.3) в 15 м от коренного берега, затем общая мощность отложений уменьшается. Сапрпель фиксируется только в скважинах с южной стороны мыса и в скважине 3.2 с северо-западной стороны.

Из скважины 2.3 с южной стороны мыса были отобраны три образца для радиоуглеродного датирования. Нижняя часть торфа с глубины 2,25–2,35 м показала дату 4740 ± 100 л. н., или 3761–3132 кал. л. до н. э. (Лу-9711); верхняя часть сапрпеля с глубины 2,35–2,45 м – 6050 ± 120 л. н., или 5296–4707 кал. л. до н. э. (Лу-9712); нижняя часть сапрпеля с глубины 3,25–3,35 м – 8170 ± 280 л. н., или 7791–6456 кал. л. до н. э. (ЛУ-9713).

Таким образом, формирование сапропеля в водоеме с южной стороны мыса началось раньше возникновения городища. Вероятно, во время его существования здесь располагалась старица или небольшое проточное озеро. Русло реки проходило с северо-западной стороны мыса. Начало заторфовывания водоема с южной стороны мыса фиксируется по дате нижней части торфа (Лу-9711) и относится ко второй или третьей четверти IV тыс. до н. э.

Сходство в материальной культуре комплексов городища Амня I и поселения Кирип-Вис-Юган-2 позволили отнести их к амнинскому культурному типу памятников. Возможно, к нему относится и жилище № 2 поселения Амня II (оно имеет сходные конструктивные особенности и близкие датировки). Керамический комплекс жилища № 1 этого памятника имеет больше аналогий в раннеолитической посуде еттовского типа [Стефанов, 2001].

Еще одним памятником, имеющим, на наш взгляд, черты сходства с амнинским культурным типом, является поселение Сартынья I в бассейне Северной Сосьвы [Васильев, 1989]. Однако это поселение несколько моложе (см. таблицу, 15, 16), что, возможно, отражает поздний этап развития амнинского культурного типа.

К единому с городищем Амня I хронологическому периоду в таежной зоне относятся очень немногие памятники. Это Ет-То I в Надым-Пуровском междуречье, Нижнее Озеро III, нижние слои Усть-Вагильского Холма в Северном Зауралье, Микишкино-5, Каюково-2 в Сургутском Приобье, Мулымья-3 в бассейне р. Конды (см. [Панина, 2008; Ивасько, 2008] и др.).

Керамический комплекс амнинского типа является двухкомпонентным. Керамика с кольчатой и прочерченной орнаментацией входит в круг ранней плоскодонной керамики Западной Сибири. Эта традиция была широко распространена в регионе – от Барабинской лесостепи и Приишимья до Северной Сосьвы и Среднего Зауралья. Посуда с гребенчатой орнаментацией образует общность с ранней гребенчатой керамикой еттовского типа.

Заключение

Амнинские комплексы демонстрируют комплект неолитических инноваций, свидетельствующих о сложении на этой территории особых социальных структур и, вероятно, о расселении нового населения на рубеже VII–VI тыс. до н. э. Яркими проявлениями инноваций являются мысовые городища типа Амня I, не известные на данных территориях в предыдущие периоды каменного века. Другим маркером неолитической эпохи является керамика, которая с рубежа VII–VI тыс. до н. э. встречается на всех памятниках. Устойчивость технологии и морфологии, сложная система орнаментации первой глиняной посуды указывают на то, что нет оснований рассматривать таежные районы Западной Сибири (особенно северные территории) в качестве первичного центра изобретения керамики. Здесь нет свидетельств каких-либо опытов с глиной, которые могли бы указывать на разработку технологий гончарства. Сюда эта инновация была привнесена уже в оформленном виде вместе с другими новшествами того времени и, скорее всего, новым населением, за счет которого процесс освоения таежных территорий стал более интенсивным по сравнению с мезолитом. Продвижение этого населения было возможно различными путями – из Приуралья, с Енисея, из Зауралья вдоль Уральского хребта или по Иртышу и Оби. Последний путь распространения раннеолитической керамики в таежной зоне, особенно после обнаружения на памятнике Тартас-I в Барабе плоскодонной посуды, сходной с амнинской, но давшей более древние даты [Молодин и др., 2018], нам представляется самым вероятным.

Список литературы

Васильев Е. А. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.

- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиесонка Х. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки раннеолитического городища Амня I // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 149–159. DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210
- Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 112–122.
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мыльникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Панина С. Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. 2008. Вып. 25. С. 137–146.
- Стефанов В. И. Новые материалы по энеолиту Прикамыя // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. тр. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2001. С. 35–42.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня-1 (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 105–107.
- Стефанов В. И., Морозов В. М., Погodin А. А. Кирип-Вис-Юган-2 – памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя) // Источники по археологии Западной Сибири: Сб. науч. тр. Сургут: Изд-во СурГПУ, 2005. С. 19–33.
- Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Yu., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A. The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, 2020, vol. 116, no. 105100. DOI 10.1016/j.jas.2020.105100

Список источников

- АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 14870. Морозов В. М. Отчет о раскопках на Каксинской Горе в Белоярском районе Тюменской области летом 1990 г. Екатеринбург, 1991.
- АИА РАН. Ф. Р-1. Д. 16800. Кокшаров С. Ф. Отчет о раскопках и разведках, проведенных в Белоярском и Советском районах в 1991 г. Екатеринбург, 1992.
- АМА УрФУ. Ф. II. Д. 567. Морозов В. М. Отчет о раскопках укрепленного поселения Амня I в зоне строительства газопровода «Ямбург-Тула» (Белоярский р-н, Тюм. обл.). Свердловск, 1988.
- АМА УрФУ. Ф. II. Д. 568. Морозов В. М. Отчет о раскопках городища Амня I в зоне строительства газопровода «Ямбург-Тула» (Белоярский р-н, Тюм. обл.). Свердловск, 1989.
- АМА УрФУ Ф. II. Д. 519. Стефанов В. И. Отчет о раскопках поселения Амня II в Белоярском районе Тюменской области. Екатеринбург, 1992.
- АМА УрФУ. Ф. II. Д. 543. Стефанов В. И. Отчет о раскопках поселений Амня I и Амня II в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа (1993 г.). Екатеринбург, 1993.

References

- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L., Pietsonka H. Analiz veshchevogo kompleksa i novye radio-uglerodnye datirovki ranneneoliticheskogo gorodishcha Amnya I [Analysis of the artifact complex and new radiocarbon dating of the Early Neolithic hillfort of Amnya I]. *Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Science Bulletin]*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), p. 149–159. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2019-12210

- Ivasko L. V.** O kayukovskoi arkheologicheskoi kul'ture [About Kayukovskaya archeological culture]. In: Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya [Barsova Gora: Antiquities of the taiga Ob basin]. Ekaterinburg, Surgut, Ural Publ. House, 2008, p. 112–122. (in Russ.)
- Molodin V. I., Rainkhold S., Mylnikova L. N., Nenakhov D. A., Khansen S.** Radiocarbon dates of the Neolithic complex of the Tartas-1 site (Early Neolithic in Baraba). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 39–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56
- Morozov V. M., Stefanov V. I.** Gorodishche Amnya I – drevneishee gorodishche Severnoi Evrazii? [The fort of Amnya I – the oldest fortified settlement of Northern Eurasia?]. *Voprosy arkheologii Urala [Questions of Archaeology of the Urals]*, 1993, iss. 21, p. 143–170. (in Russ.)
- Panina S. N.** Arkheologicheskie issledovaniya na Ust'-vagil'skom kholme (2005–2006 gg.) [Archaeological research at the Ust-Vagil Hill (2005–2006)]. *Voprosy arkheologii Urala [Ural Archaeology Issues]*, 2008, iss. 25, p. 137–146. (in Russ.)
- Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Yu., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A.** The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, 2020, vol. 116, no. 105100. DOI 10.1016/j.jas.2020.105100
- Stefanov V. I.** Novye materialy po eneolitu Prikazym'ya [New materials on the Eneolithic of the Kazym region]. In: Materialy po arkheologii Ob'-Irtyshe'ya [Materials on archeology of the Ob-Irtyshe basin]. Collection scientific papers. Surgut, Surgut State Pedagogical Uni. Publ., 2001, p. 35–42. (in Russ.)
- Stefanov V. I., Borzunov V. A.** Neoliticheskoe gorodishche Amnya I (po materialam raskopok 1993 i 2000 gg.) [Neolithic fort of Amnya I (based on the materials of excavations in 1993 and 2000)]. In: Barsova Gora: drevnosti tayozhnogo Priob'ya [Barsova Gora: the antiquity of the taiga Ob basin]. Ekaterinburg, Surgut, Ural Publ. House, 2008, p. 93–111. (in Russ.)
- Stefanov V. I., Morozov V. M., Pogodin A. A.** Kirip-Vis-Yugan-2 – pamyatnik amninskogo tipa (k voprosu o neolite Prikazym'ya) [Kirip-Wis-Yugan 2 – settlement of Amnya type (to the question of the Neolithic of Kazym basin)]. In: Istochniki po arkheologii Zapadnoi Sibiri [Archaeological Sources of Western Siberia]. Collection of scientific papers. Surgut, Surgut State Uni. Publ., 2005, p. 19–33. (in Russ.)
- Vasiliev E. A.** Eneolit i rannii bronzovyi vek sredne- i severotaezhnogo Priob'ya [Eneolithic and Early Bronze Age of the Middle and North Ob region]. Cand. Hist. Sci. Syn. Diss. Moscow, 1989, 21 p. (in Russ.)

List of Sources

- AIA RAS. F. R-1. Case 14870. Morozov V. M. Otchet o raskopkakh na Kaksinskoj Gore v Beloyarskom raione Tyumenskoi oblasti letom 1990 g. [Report on excavations at Kaksinskaya Gora in Beloyarski district, Tyumen Region in summer 1990]. Ekaterinburg, 1991. (in Russ.)
- AIA RAS. F. R-1. Case 16800. Koksharov S. F. Otchet o raskopkakh i razvedkakh, provedennykh v Beloyarskom i Sovetskom raionakh v 1991 g. [Report on excavation and exploration conducted in Beloyarsky and Sovetsky Districts in 1991]. Ekaterinburg, 1992. (in Russ.)
- AMA UrFU. F. II. Case 567. Morozov V. M. Otchet o raskopkakh ukreplennogo poseleniya Amnya I v zone stroitel'stva gazoprovoda "Yamburg-Tula" (Beloyarskii r-n, Tyum. obl.) [Report on excavation of Amnya I fortified settlement in the area of Yamburg – Tula gas pipeline construction (Beloyarski district, Tyumen region)]. Sverdlovsk, 1988. (in Russ.)
- AMA UrFU. F. II. Case 568. Morozov V. M. Otchet o raskopkakh gorodishcha Amnya I v zone stroitel'stva gazoprovoda "Yamburg – Tula" (Beloyarskii r-n, Tyum. obl.) [Report on excava-

tion of Amnya I settlement in the area of “Yamburg – Tula” gas pipeline construction (Beloyarski district, Tyumen region)]. Sverdlovsk, 1989. (in Russ.)

АМА UrFU. F. II. Case 519. Stefanov V. I. Otchet o raskopkakh poseleniya Amnya II v Beloyarskom raione Tyumenskoï oblasti. [Report on excavation of Amnya II settlement in Beloyarski district, Tyumen region]. Ekaterinburg, 1992. (in Russ.)

АМА UrFU. F. II. Case 543. Stefanov V. I. Otchet o raskopkakh poselenii Amnya I i Amnya II v Beloyarskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga (1993 g.) [Report on excavations of Amnya I and Amnya II settlements in Beloyarskiy District of Khanty-Mansi Autonomous Okrug (1993)]. Ekaterinburg, 1993. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

10.07.2020

Сведения об авторах

Дубовцева Екатерина Николаевна, научный сотрудник Центра археологии каменного века института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ket1980@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3214-7173

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ver2142@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3316-2041

Пиэцонка Хенни, PhD in History, профессор Института пре- и протоисторической археологии Кильского университета им. К. Альбрехта (Киль, Германия)

hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

ORCID 0000-0002-5854-1323

Чаиркина Наталия Михайловна, доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

chair_n@mail.ru

ORCID 0000-0003-2197-638X

Information about the Authors

Ekaterina N. Dubovtseva, Researcher at the Stone Age Archaeology Center of the Institute of History and Archeology UB RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)

ket1980@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3214-7173

Lyubov L. Kosinskaya, PhD in History, Senior Researcher at the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)

ver2142@yandex.ru

ORCID 0000-0003-3316-2041

Henny Piezonka, PhD in History, Junior Professor at the Institute of Pre- and Protohistoric Archaeology of Christian Albrecht University of Kiel (Kiel, Germany)

hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

ORCID 0000-0002-5854-1323

Nataliia M. Chairkina, Doctor of History, Deputy Director at the Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)

chair_n@mail.ru

ORCID 0000-0003-2197-638X